

Информация для цитирования:

Вязинкин А. Ю. Между деревней и городом : радикалы поколения «революционного перелома» в начале XX века / А. Ю. Вязинкин, К. А. Якимов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 7. — С. 312—329. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-312-329.

Vyazinkin, A. Yu., Yakimov, K. A. (2023). Between Village and City: Radicals of “Revolutionary Breakthrough” Generation at beginning of 20th Century. *Nauchnyi dialog*, 12 (7): 312-329. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-312-329. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-312-329

Между деревней и городом: радикалы поколения «революционного перелома» в начале XX века

Вязинкин Алексей Юрьевич
orcid.org/0000-0003-3821-6168
кандидат философских наук, доцент,
старший научный сотрудник
vyazinkin@yandex.ru

Якимов Кузьма Александрович *
orcid.org/0000-0003-1756-3515
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
* *корреспондирующий автор*
kuzma.yakimov@mail.ru

Тамбовский государственный
технический университет
(Тамбов, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 22-18-00132,
<https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

Between Village and City: Radicals of “Revolutionary Breakthrough” Generation at beginning of 20th Century

Alexei Yu. Vyazinkin
orcid.org/0000-0003-3821-6168
PhD in Philosophy, Associate Professor,
Senior Researcher
vyazinkin@yandex.ru

Kuzma A. Yakimov *
orcid.org/0000-0003-1756-3515
PhD in History,
Senior Researcher,
* *Corresponding author*
kuzma.yakimov@mail.ru

Tambov State Technical University
(Tambov, Russia)

Acknowledgments:
The research was conducted with
the support
of the grant from the Russian Science
Foundation № 22-18-00132,
<https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлена реконструкция социально-психологического портрета радикала поколения «революционного перелома» начала XX века. Отмечается, что в основе поколения «революционного перелома» были молодые люди крестьянского происхождения, которые пережили опыт исторической динамической дестабилизации всего общества. На основе архивных источников определяются характерные особенности заданной проблемы в поколенческом аспекте. Материалы исторических источников, среди которых наиболее значимым для исследования являются автобиографии и воспоминания политкаторжан, позволили проследить процесс формирования леворадикальных настроений молодежи крестьянского происхождения. При этом большая часть архивных документов вводится в научный оборот впервые. Социальное поведение революционных радикалов рассматривается в контексте ускорившихся на рубеже столетий модернизационных процессов в Российской империи. Авторы приходят к выводу, что именно крестьянская молодежь в начале XX века оказалась в авангарде революционного движения. Утверждается, что многие из ее представителей несли в себе «анархические» настроения деревни, поскольку в этот период авторитет монархической власти подвергался сомнению. Подчеркивается, что знакомство с революционными идеями оказало существенное влияние на мотивацию их социального действия и степень его радикализации.

Ключевые слова:

поколение революционного перелома; российская деревня; революционный радикализм; революционное движение; социально-психологический портрет.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article presents a reconstruction and analysis of the socio-psychological portrait of the radical generation of the “revolutionary turning point” of the early 20th century. It is noted that the basis of this generation consisted of young people of peasant origin who experienced the historical dynamic destabilization of society. Based on archival sources, the characteristic features of the problem are determined in a generational aspect. Historical sources, including autobiographies and memoirs of political prisoners, allowed tracing the process of formation of left-radical sentiments among young people of peasant origin. At the same time, a large part of archival documents is introduced into scientific circulation for the first time. The social behavior of revolutionary radicals is considered in the context of accelerated modernization processes in the Russian Empire at the turn of the century. The authors conclude that it was precisely the peasant youth at the beginning of the 20th century that was in the vanguard of the revolutionary movement. It is claimed that many of its representatives carried “anarchistic” sentiments from the village, since during this period the authority of monarchical power was being questioned. It is emphasized that acquaintance with revolutionary ideas had a significant influence on the motivation of their social action and the degree of its radicalization.

Key words:

generation of revolutionary breakthrough; Russian village; revolutionary radicalism; revolutionary movement; socio-psychological portrait.

Между деревней и городом: радикалы поколения «революционного перелома» в начале XX века

© Вязинкин А. Ю., Якимов К. А., 2023

1. Введение = Introduction

В начале прошлого столетия Российская империя переживала сложную трансформацию социальных, экономических и политических отношений. Модернизационные процессы, интенсивность которых оказалась фатальной для весьма резистентной культуры российского общества, уничтожали устоявшиеся традиции и привычную систему общественных взаимоотношений, создавая новые, прежде неизвестные возможности в экономической и политической жизни. Значительная часть этих возможностей была воспринята некоторыми социальными группами не как открытый вариант для созидательного политического творчества, но как повод для активного заявления своих притязаний, вплоть до социального бунта, что в целом характерно для стран, находившихся в начале века «на периферии глобального капиталистического прогресса» [Шанин, 1997, с. 145].

Идущие рука об руку процессы индустриализации и урбанизации в «периферийных» обществах причиняли серьезный ущерб традиционному укладу наиболее консервативного — сельского — населения. Модернизационные процессы тяжело отражались на патриархальном семейном укладе и традиционном политическом сознании, признающем сакральный авторитет династической власти.

Сокрушительный удар по культурным традициям сельского населения Российской империи нанесло проникновение капитализма, вызвавшее экономический, демографический и нормативный кризис [Wolf, 1969]. Не менее разрушительным было и воздействие на нематериальную культуру. Т. Шанин отмечал, что разрушение традиционного уклада на селе произошло в результате десакрализации авторитета царской власти в сознании деревенских жителей: «Как только царская воля перестала восприниматься как сила природы, а неприкосновенность царизма уже не казалась безоговорочной истиной, социальный мир сельской России начал рушиться» [Шанин, 1997, с. 155].

То, что разрушала безжалостная стихия модернизации, как оказалось, было несущей конструкцией Российской империи. Причинами же крестьян-

ских бунтов начала XX века большинство исследователей полагают прежде всего экономические факторы. Выполненный российскими учеными анализ аграрного кризиса начала XX века позволил заключить, что «понятие “русский аграрный кризис” в их интерпретации выступает как сложное и системное, выражает состояние экономики, страдавшей от перенаселения» [Рогалина, 2004, с. 18]. Т. Шанин отмечал, что российское село оказалось в порочном круге кризисов: «быстро уменьшающиеся душевые земельные наделы, недостаточные доходы, как и инвестиции, давление долгов и налогов, взлет арендных платежей и нехватка альтернативных или дополнительных источников занятости и доходов» [Шанин, 1997, с. 153].

Такое понятие, как «вегетативный консерватизм», акцентирующее внимание на «тенденции к сохранению старых образцов, вегетативных способов жизни, признаваемых всеобщими и универсальными» [Манхейм, 1994, с. 593], не способно вполне описать характерные особенности мировоззрения жителей традиционной российской деревни. Неотъемлемое качество сельской общины — автономистский, даже анархический темперамент. Эта анархическая стихия крестьянства, несомненно, проявилась в утопических представлениях об идеальной общественной организации, в которой государство и община соприкасаются как можно меньше. М. Горький с сожалением отмечал, что «русский крестьянин сотни лет мечтает о каком-то государстве без права влияния на волю личности, на свободу ее действий, — о государстве без власти над человеком» [Горький, 1922, с. 6], тогда как эту черту народа следовало бы считать исключительно позитивной, поскольку она указывает на стремление к экономической самостоятельности, а следовательно, и к свободной и ответственной трудовой жизнедеятельности. Простая мудрость и завидное здравомыслие русского крестьянина Российской империи заключались в ориентации на правду жизни, в которой важнейшая цель — установление справедливости, заключающейся в аккуратном отношении к естественному порядку вещей и осторожном — к сомнительным новациям: «Нам никаких чудес не надо. Мы желаем жить при ясном свете, без опасений, без страха» [Там же, с. 31].

Под натиском модернизационных процессов изменились социальный и экономический уклад деревни, но осталось неизменным крестьянское мировоззрение, крепко замешанное на чувстве автономности. Русские крестьяне понимали освобождение как «защиту от всеобъемлющего опекуинства и притеснений со стороны мелкого чиновничества и его местных подопечных, союзников и хозяев: кулаков, священников, помещиков и губернских сановников» [Шанин, 1997, с. 170—171]. Бунтовской энтузиазм крестьянства в годы первой революции был проявлением именно такого понимания социальной справедливости: их цель соотнобразовывалась с неизбывным желанием «дер-

жать государство на расстоянии вытянутой руки в вопросах будущего управления местными делами и землепользования» [Там же, с. 206].

Это скорее культурно-физиологическое, народно-темпераментное, чем идеологическое стремление к политической автономии дополнялось резким раздражением неудовлетворительными хозяйственными условиями. Исследователь В. Г. Богораз-Тан в своих записках о «новом крестьянстве» в 1905 году отмечал, что крестьяне лишены необходимой для жизни земли, выгонов для скота, сенокоса, леса и т. д. [Тан, 1905, с. 46]. Вечные искатели правды, как характеризовали русское крестьянство народники, они осуждали чиновников, которые блокируют просветительские инициативы: «Чиновники назначают нам учителей против нашего желания, которые забивают ребятам голову всяким сором вместо науки, запрещают им читать хорошие книжки и хоронят от них правду» [Там же, с. 46—47].

Обострение недовольства в совокупности со всеми стимулирующими социальный взрыв условиями трансформации общественных отношений стали ключевыми факторами революционного движения в российской деревне. Изучив массовое сознание «нового крестьянства», В. Г. Богораз-Тан утверждал: «В их сердцах слишком много страсти, в настроении электричества, а в сердце негодования» [Там же, с. 42]. Революционная ситуация на селе складывалась из всех этих факторов.

Даже В. И. Ленин в 1905 году в пику марксистскому большинству, апологически утверждавшему идею о реакционной сущности крестьянства, отмечал, что победа демократической революции зависит от мощной поддержки рабочего движения крестьянством. Анализируя доступную ему информацию, он писал в разгар кризиса: «Восстание крестьян побеждает, власть помещиков сломана» [Ленин, 1968, с. 154].

Разумеется, в авангарде всех этих масштабных перемен на селе была деревенская молодежь, представители поколения «революционного перелома». Именно эта социально-демографическая группа находится в фокусе нашего исследования. Специфику методологии определяет предмет исследования. Мы используем подходы поколенческой истории, социальной истории и исторической социологии. Одна из центральных задач статьи заключается в реконструкции социально-психологического облика радикала поколения «революционного перелома» в начале XX века.

Нас интересуют те представители поколения «революционного перелома» крестьянского происхождения, которые в своей революционной активности неизбежно сочетали элементы деревенского габитуса и городских паттернов поведения в условиях небывалого революционного подъема масс начала XX века, оказавшего влияние как на политическую активность городского населения, так и на революционную инициативность

жителей деревни. Задача исследования состоит в том, чтобы показать и проанализировать те нюансы, которые характерны для поколения «революционного перелома» с учетом принципиального отличия революционных интересов горожан и крестьянства: «городские революционеры ставили своей целью поднять, в конце концов, общенациональное восстание, результатом которого стала бы победа республики, крестьянские активисты не имели это в виду» [Шанин, 1997, с. 175]. В фокусе нашего внимания те люди, которые проявили характерную для «революционной мутации» активность в годы «революционного перелома». Социолог П. А. Сорокин так описывал трансформацию поведения этих людей в революционной ситуации: «Охваченные бешеным водопадом революции индивиды срываются с насиженных мест, бросаются от одной профессии к другой, пропускаются через ряд партий, групп, верований, словом, — меняют один “костюм рефлексов” на другой» [Сорокин, 2005, с. 50].

Революционная ситуация и революционные события стали своеобразным «новым контактом» для изучаемого нами поколения, который «играет важную роль в жизни человека, если обстоятельства вынуждают его покинуть одну социальную группу и влиться в другую» [Мангейм, 1998, с. 21]. Данное теоретическое обоснование поколенческого опыта является хорошей иллюстрацией для исторической ситуации поколения «революционного перелома» крестьянского происхождения, которое увлекалось революционными процессами в обществе, переехав в город.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Пионер поколенческой истории в отечественной науке Т. Шанин отмечал, что именно изучение истории через фокус поколений поможет обнаруживать новые ответы на старые вопросы исследователей, а научная картина исторического развития станет более ясной [Шанин, 2005, с. 11]. Для его подхода характерно не столько количественное демографическое, сколько качественное толкование понятия «поколение»: оно означает тех, «кто прошел через одни и те же события» [Там же, с. 17]. Шанин утверждал, что революция без поколенческого анализа необъяснима [Там же, с. 20].

Мы подчеркиваем, что задачи нашего исследования связаны с анализом особенностей процесса радикализации сознания представителей определенного поколения. Б. В. Дубин характеризует подобный тип как «именное поколение», то есть поколение «свидетелей крупномасштабного перелома» [Дубин, 2005, с. 68].

Теоретико-методологические подходы нашего исследования опираются на разработанные российским социологом Ю. А. Левадой понятия «революционный перелом», то есть «условно 1905—1930 годы», и «поко-

ление революционного перелома», то есть «родившиеся примерно в 90-х годах XIX века» [Левада, 2006, с. 34], во многом определивших самостоятельный дискурс поколенческой истории [Безгин и др., 2022; Слезин и др., 2022]. Причем специфика предмета нашего исследования позволяет нам понимать социально-демографическую группу поколения «революционного перелома» в несколько расширительном варианте. Наш подход продиктован постановкой исследовательской задачи и теми материалами, на которых основывается исторический анализ.

Основу источниковой базы исследования составили материалы личных дел, а также воспоминания крестьян-политкаторжан рассматриваемого поколения, сохранившиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Эти источники релевантны, поскольку сохранившиеся материалы личных дел содержат автобиографии, позволяющие проследить жизненный и, в частности, революционный путь выходцев из крестьянских семей. Не менее значимым оказалось вовлечение в научный оборот материалов биографических справочников участников революционного движения, составленных на основании индивидуальных анкет политкаторжан. Кроме того, в качестве источников привлекались опубликованные воспоминания и материалы периодической печати Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Интеллектуальный уровень крестьянской молодежи как фактор радикализации настроений

Важной отличительной особенностью социального портрета сельского радикала был низкий уровень образования, что, несомненно, сказывалось на характере его политических взглядов и настроений. Тяжелое материальное положение сельских жителей, вызванное главным образом обострившейся к началу XX века проблемой малоземелья, было одной из главных причин низкого образовательного уровня и незавершенности обучения крестьян. Очевидно, что многие выходцы из беднейших крестьянских семей не могли себе позволить обучение в высших и средних учебных заведениях. Между тем возросшее стремление деревенской молодежи к образованию сдерживалось отсутствием необходимых средств для обучения.

Обратим внимание на отрывок из автобиографии выходца из крестьянской семьи, примкнувшего впоследствии к анархистам, М. Г. Ванидзе: «Родители мои — бедные крестьяне только и дали мне окончить двухклассное начальное училище, после чего, не имея средств, они не могли дать мне возможность продолжить начатое образование» [ГАРФ, ф. 533, оп. 2, д. 300, л. 3]. Родившийся самым младшим ребенком в многодетной

крестьянской семье Н. С. Ершов отмечал, что «учился недолго на медные гроши, выторгованные матерью на базаре» [Там же, д. 661 а, л. 4]. Крестьянин И. П. Тимошенко, примкнувший к революционному движению в 1905 году, по его личным свидетельствам, не смог продолжить обучение в гимназии, поскольку у его семьи не было достаточно средств для продолжения обучения [Там же, д. 2011, л. 3]. Не менее показателен отрывок из автобиографии политкаторжанина из крестьян П. В. Страфуна: «В 12 лет я уже закончил свое обучение, хотя учиться было охота. Но отец сказал, что мне больше не нужно учиться, а в хозяйстве нужен работник и учиться нет средств» [Там же, д. 1943, л. 3]. Похожие обоснования своего низкого уровня образования мы находим в воспоминаниях уроженца Херсонской губернии, социал-демократа Т. С. Вишневого: «Не окончил церковно-приходскую школу, потому что нужда, царившая в семье моего отца, заставила последнего оторвать меня от учения и сделать из меня помощника для облегчения материального положения» [Там же, д. 363, л. 5].

На основании сохранившихся воспоминаний политкаторжан крестьянского происхождения можно утверждать, что многие из них примкнули к революционному движению именно в период обучения в гимназиях, семинариях и других учебных заведениях. Например, крестьянин Н. С. Ершов, проходивший обучение в Кунгурском училище, отмечал, что в последнем классе занимался слабо, так как довольного много читал книг, под влиянием которых стал «революционером-одиночкой» [Там же, д. 661а, л. 4]. Уроженец губернии А. И. Тренин начал читать подпольную революционную литературу благодаря знакомству с учащимися семинарии в июне 1905 года, а уже через пару месяцев считал себя революционером-социалистом [Там же, д. 2021, л. 4]. Не менее показателен отрывок из автобиографии крестьянина Я. П. Науменко: «В гимназии я познакомился со студентом Бругом, который давал мне книги, смысла которых я почти не понимал. Но прошло некоторое время, и я уже ходил на собрания революционеров» [Там же, д. 1363, л. 3].

Вместе с тем важно учесть тот факт, что многие революционно настроенные крестьяне были исключены из учебных заведений вследствие своей революционной деятельности, а потому неудивительно, что характерной составляющей их социального портрета была недоученность. Как показывают результаты количественного анализа, около 7 % крестьян из общего числа политкаторжан поколения «революционного перелома» были исключены из учебного заведения [Вязинкин и др., 2023, с. 409]. Например, причиной для исключения из училища крестьянина А. С. Чекатило послужило распространение революционных настроений среди учащихся и оскорбления одного из преподавателей [ГАРФ, ф. 533, оп. 2, д. 537, л. 3—3об.]. Крестьянин Курской губернии Ф. А. Сергеев был исключен

из Московского высшего технического училища за участие в студенческой демонстрации [Деятели революционного..., 1931, с. 132].

3.2. Революционные идеи в деревне: молодежный фактор

Однако к началу XX века не только учебные заведения были источниками революционного влияния на селе. Примечательно то, что некоторые крестьяне знакомились с революционными идеями, еще будучи сельскими обывателями. В частности, исключенный из высшего учебного заведения крестьянин Ф. М. Безуглый отмечал: «В возрасте 14—15 лет я познакомился с народнической литературой, случайно найдя в амбаре обширную библиотеку моего старшего брата, принимавшего активное участие в революционном движении 1905—1906 годов. В ней (библиотеке) я нашел работы Лаврова, Кропоткина, но особенное впечатление произвела на меня книга “Подпольная Россия”» [ГАРФ, ф. 533, оп. 2, д. 140, л. 3]. Уроженец Киевской губернии А. М. Гопкало в своей автобиографии указал, что занимался чтением нелегальной революционной литературы еще в сельской местности, доставал ее через своего отца от учителей — старых народовольцев [Там же, д. 482, л. 3]. Крестьянин З. П. Филипповский, по его личным свидетельствам, познакомился с нелегальной революционной литературой в местечке Колышки Витебской губернии [Там же, д. 2109, л. 3.].

Уроженец Вятской губернии Л. И. Шарыгин вспоминал, что первое знакомство с политической работой получил от «ссылочно административного народника», жившего на квартире крестьянина. Народник давал Шарыгину нелегальную литературу, которая познакомила юного сельчанина с «порядками царизма и задачами партии» [Там же, д. 2270, л. 4]. Примкнувший к эсерам крестьянин В. А. Шеин отмечал, что о «революционно-социалистических идеях слышал еще в детстве от родственников крестьян» [Там же, д. 2286, л. 7].

Приведенные выше примеры наглядно показывают нам, что в дореволюционной деревне влияние революционных идей на крестьянскую молодежь было весьма ощутимым. В то же время сама сельская молодежь подчас не осознавала той опасности, которую представляло чтение и распространение нелегальной литературы. Так, А. Н. Прасолов отмечал, что в селе Турово Московской губернии запрещенная литература при удобном случае читалась открыто прямо на улице, поскольку многие крестьяне не знали, что это преследуется [Прасолов, 1928, с. 9].

В то же время свидетельства о знакомстве именно с народнической литературой неслучайны. В советской историографии отмечалось, что в начале прошлого столетия народники проиграли идейную борьбу за крестьянство социал-демократам, большевикам. Однако это не вполне соответствовало действительности. Даже в правительстве понимали, что на-

родническая идеология накануне революционных событий 1905—1907 годов была наиболее опасной в вопросах радикализации социальных низов и осложнения социальных конфликтов [ОР РГБ, ф. 225, к. 1, д. 1, л. 1об.].

Однако большинство крестьян в силу своей малограмотности не могли понять в полной мере многого из содержания революционной пропаганды. Как справедливо заметил А. Н. Прасолов, несмотря на распространенность революционной литературы, крестьяне имели весьма смутные представления о социализме [Прасолов, 1928, с. 44]. Гораздо важнее для них было чувство сопричастности революционному движению, выражавшее их общее недовольство существующими порядками. В частности, крестьянин Г. М. Стрыгин, попавший под революционное влияние во время прохождения армейской службы, отмечал: «На массовках, которые нам устраивали представители разных партий, выступали ораторы на революционные темы, но я лично не особо разбирался в программах партий. Нам нравилось одно уже то, что говорили о наших интересах, о наших нуждах» [ГАРФ, ф. 533, оп. 1, д. 173, л. 48]. Не менее примечательны воспоминания социал-демократа А. Черкунова, занимавшегося агитационной работой среди крестьян в Херсонской губернии: «Желание проникнуть в сущность нашего учения было так велико, что некоторые крестьяне наизусть выучили нашу программу и потом, выступая, козыряли словами, которые часто не совсем и понимали» [Каторга и ссылка, 1925, с. 38].

Кроме того, усилившиеся в начале XX века аграрные беспорядки, сопровождавшиеся поджогами и ограблениями помещичьих имений, также способствовали распространению леворадикальных настроений среди деревенской молодежи. Вот что по этому поводу вспоминал крестьянин Саратовской губернии И. Я. Коротков: «Крестьянские выступления нас только подогревали, и у меня у самого появилось еще больше энергии. В этой обстановке молодежь начала выпирать» [ГАРФ, ф. 533, оп. 1, д. 204, л. 2]. По свидетельству А. Н. Прасолова, в это время среди некоторых молодых крестьян села Турова Московской губернии такие слова, как «революционер» и «забастовщик», произносились с гордостью [Прасолов, 1928, с. 35].

3.3. Город как фактор радикализации настроений сельской молодежи

Переселение крестьянской молодежи в начале XX века в города, которые зачастую и становились местом их знакомства с революционными идеями, во многом было обусловлено трудностями материального положения деревенской бедноты. К примеру, крестьянин И. И. Борисов отмечал, что до 1903 года жил в селе Гремячево Калужской губернии, однако после упадка хозяйства был вынужден искать заработок на стороне, вследствие чего уже в конце года перебрался в город и устроился работать каменщиком [ГАРФ,

ф. 533, оп. 2, д. 223, л. 3]. Выходец из крестьянской семьи Московской губернии М. П. Аксенов был вынужден с 11 лет работать на фарфоровой фабрике [Деятели революционного..., 1931, с. 52]. Крестьянин Т. С. Вишневецкий бежал в возрасте 17-ти лет из деревни в г. Зиновьевск по причине издевательств над ним помещика Луцкого [ГАРФ, ф. 533, оп. 2, д. 363, л. 5]. Неудивительно, что, оказавшись в городской среде, он в первые же недели своего приезда примкнул к кружку социал-демократов [Там же].

Таким образом, покидая родную деревню, еще совсем молодой крестьянин, успевший при этом испытать на себе многие тяготы и лишения, попадал в городскую среду, будучи эмоционально подготовленным к восприятию революционных идей. Весьма показательны в этом отношении воспоминания уехавшего в поиске средств к существованию крестьянина З. П. Филипповского: «Влиять на мое революционное настроение агитаторам долго не пришлось, так как мое социальное и материальное положение само сделало меня революционером, ибо я был крестьянином и испытывал на собственной шкуре эксплуатацию» [ГАРФ, ф. 533, оп. 2, д. 2109, л. 3].

Между тем многие революционно настроенные крестьяне, проходившие обучение в городах или уехавшие туда в поисках дополнительного источника средств существования, нередко продолжали поддерживать связь с деревней. К примеру, уроженец Кубанской области Ф. М. Безуглый отмечал, что до и после окончания гимназии в свободное от учебы время, как и все в его семье, работал по хозяйству [ГАРФ, ф. 533, оп. 2, д. 140, л. 3]. Проходивший обучение в духовной семинарии уроженец Владимирской губернии С. Ф. Корочкин писал о том, что в летние месяцы продолжал вести обычный крестьянский образ жизни и исполнял все полевые работы [Там же, д. 958, л. 7]. При этом весьма показательны и те впечатления, которые производила на него обстановка жизни в деревне: «Нищета, бесправие деревни уже тогда натолкнули меня на мысль, что надо искать выход из того положения, в котором находилась деревня» [Там же].

Уезжая в города в поисках заработка, большинство выходцев из крестьянских семей вынужденно устраивались работать на городских предприятиях. Существенное влияние в процессе радикализации их взглядов оказывали тяжелые условия труда рабочих. В частности, крестьянин С. И. Семенов, оказавшись среди строительных рабочих, отмечал: «Меня страшно возмущал порядок продолжительности рабочего дня и пренебрежительное обращение с рабочими» [ГАРФ, ф. 533, оп. 2, д. 1811, л. 3].

Впоследствии многие из крестьян рассматриваемого поколения оказались в той или иной революционной организации именно благодаря широкой распространенности социалистических идей в рабочей среде. Обратимся к рассмотрению характерного отрывка из автобиографии крестьяни-

на Калужской губернии И. И. Борисова: «Работая на заводе, мне пришлось познакомиться с помощником машиниста Георгием Зиновьевым, который был членом партии социалистов-революционеров. Заводская обстановка, частые беседы с Георгием и чтение нелегальной литературы, которой снабжал меня Георгий, невольно натолкнули меня на путь революционной работы» [Там же, д. 223, л. 3]. Устроившись на работу слесарем, крестьянин Саратовской губернии Н. Е. Еликин из разговоров между рабочими узнал о борьбе с классом «угнетателей», что и подтолкнуло его к вступлению в кружок социалистов-революционеров [Там же, д. 650, л. 4 об.]. Похожие мотивы революционной активности мы находим в воспоминаниях крестьянина Гродненской губернии В. Г. Воронко: «Попав в среду рабочих, меня сильно заинтересовал вопрос: Кто такие демократы? Что они из себя представляют и чего они хотят? Этому главным образом способствовало то, что со мной работали два брата социал-демократа Степаненко. Видя во мне деревенского парня, имеющего большое желание познакомиться с так называемыми социалистами, они стали давать мне читать книжки, а впоследствии и приглашать на собрания» [Там же, д. 389, л. 4].

В то же время нередко молодые крестьяне, попавшие под влияние революционных организаций в городе, впоследствии становились проводниками революционных идей на селе. В этом отношении примечателен революционный путь крестьянина Владимирской губернии А. В. Кучанова, который уже после вступления в кружок РСДРП в Риге снабжал свою деревню необходимым количеством нелегальной литературы [Там же, д. 1070, л. 5]. Оказавшись под влиянием революционных идей, крестьянин Ф. М. Безуглый организовал в своей деревне группу «анархистов-экспроприаторов», в которую помимо него вошли его брат, гимназист 4-го класса, и ещё три крестьянина из соседнего села [Там же, д. 140, л. 3]. Ожидая своего призыва, крестьянин П. И. Цветков вернулся из Петрограда в родную деревню, расположенную на территории Тверской губернии, где в конце 1905 года и занялся агитационной работой среди крестьянской молодежи [Там же, д. 2175, л. 6]. Крестьянин З. П. Филипповский занимался агитационной работой среди сельской молодежи таких местечек Витебской губернии, как Колышки, Лиозно, Миулино. При этом он же отмечал, что только в местечке Колышки насчитывалось свыше 70 членов, в то время как проводить массовки и вести кружковые занятия летом приходилось в лесах и оврагах, а зимой по баням и овинам [Там же, д. 2109, л. 3].

Выходец из крестьянской среды А. М. Типунков после вступления в партию эсеров вернулся в деревню и вел активную революционную пропаганду среди сельчан Брянского уезда Орловской губернии [Кан, 2004, с. 98]. Аналогичной деятельностью среди крестьян Волоколаменского уез-

да Московской губернии занимался выходец из крестьянской семьи, эсер М. Е. Горячев [Политическая каторга..., 1934, с. 159]. В своих воспоминаниях Н. А. Манюков, в годы первой революции молодой активист и радикал крестьянского происхождения, примкнувший к группе РСДРП в Ельце в 1905 году, вспоминал, что им удалось приобрести ручную типографию для изготовления нелегальных листовок, которую разместили в деревне Казинке. После перевозки ее в город в 1906 году немедленно были проведены обыски и аресты [ГАРФ, ф. 533, оп. 2, д. 2224, лл. 3—4.].

По существу, те процессы, которые сопутствовали интенсивной модернизации общественной жизни на рубеже XIX—XX веков, вытесняли крестьянскую молодежь, нередко подростков и детей, в города. Затем многие из них возвращались, чтобы работать организаторами революционных ячеек в деревнях. Крестьянин Самарской губернии В. А. Шеин писал, что, вернувшись в деревню, получал революционную литературу из Самары через железнодорожных машинистов, после чего вел «организационно-пропагандистскую работу среди крестьян» [Там же, д. 2286, л. 7]. Г. В. Щербаков вспоминал, что «в 1904 году завелась уже довольно прочная связь с городом, который уже довольно аккуратно давал свою нелегальную литературу» [Там же, д. 2349, л. 3 об.]. Крестьянин И. И. Чельшев, ставший революционером в возрасте 15 лет, вспоминал, что установил «прочную связь с народом как член партии социалистов-революционеров <...> влияние на крестьян я расширял путем устной и печатной пропаганды» [Там же, д. 2213, л. 4].

Не последнюю роль в процессе радикализации сознания выходцев из крестьянских семей играла сама общественная атмосфера революционных дней. Весьма примечательны в этом отношении воспоминания крестьянина Ф. М. Безуглого, примкнувшего в 1912 году к социал-демократам: «Исходным пунктом моих настроений и стремлений являются мои детские впечатления 1905 года в Краснодаре, где начались мои детские игры в “забастовщиков”» [Там же, д. 140, л. 3]. Крестьянин Харьковской губернии В. С. Тернавцев пишет: «Всероссийская забастовка встретила меня мальчуганом, который очень интересовался всем происходящим. Мне пришлось в 16 лет выступать в вооруженном восстании с пикой в руках, которую сделал сам» [Там же, д. 1998, л. 5].

3.4. Революционные практики поколения

Не менее значимой представляется конкретизация роли радикалов поколения «революционного перелома» в революционных потрясениях начала XX века. Как показывают данные анкет, причиной ареста большинства политкаторжан крестьянского происхождения было членство в революционных организациях или кружках, а также хранение оружия и распростра-

нение революционной литературы и прокламаций. В частности, уроженец деревни Осетры Вологодской губернии И. Л. Дубровин в 1907 году был осужден на 5 лет каторги за хранение взрывчатых веществ [Политическая каторга..., 1934, с. 203]. Сын земледельца С. И. Дьяченко в 1907 году был арестован за принадлежность к группе анархо-коммунистов [Там же, с. 206]. К четырем годам каторги был приговорен уроженец местечка Лясоцни Радомской губернии Я. Я. Щепанский за революционную агитацию среди учителей Козельского уезда [Там же, с. 743].

Однако были и те, кто проявлял свой конфронтационный настрой в более радикальных, подчас террористических формах. Например, крестьянин С. И. Бурцев в 1910 году в составе группы анархо-коммунистов, имея в своем распоряжении оружие и средства для взрывов, совершил разбойное нападение на торговую лавку и похитил 800 рублей [ГАРФ, ф. 533, оп. 2, д. 269, л. 12]. Причиной для ареста в 1908 году Ф. Ф. Дружина стало нападение на торговую лавку с целью «экспроприации» [Политическая каторга..., 1934, с. 201]. За участие в разгроме помещичьих имений на 4 года каторги был осужден сын батрака П. Ф. Шмидер [Там же, с. 734].

Нередким явлением было участие выходцев из крестьянских семей в совершении убийства. Например, Ф. О. Домненко был осужден на 8 лет каторги за пособничество в убийстве механика сахарного завода [Там же, с. 198]. Дочь земледельца, уроженка Виленской губернии М. М. Школьник в 17 лет участвовала в совершении покушения на черниговского генерал-губернатора, за что была приговорена к смертной казни, замененной бессрочной каторгой [Участники русского..., 1927, с. 276]. Будучи эсером, выходец из бедной крестьянской семьи Г. Н. Фролов совершил убийство самарского губернатора, объясняя позднее мотивы совершенного преступления следующим образом: «Что за человек был самарский губернатор и каково было его служебное поприще, я не знал. В голове крутилась одна мысль — раз нет лучшего, будь ты им!» [Каторга и ссылка ..., 1924, с. 114].

Важнейшим фактором формирования и развития этих практик был психологический, сыгравший свою роль на фоне эрозии авторитета монархической власти и всей ее вертикали. Произошел переломный момент в правовом сознании широких народных масс: границы правоощущения стали подвижными, а на смену государственному законодательству пришло «народное “интуитивное” право» [Скибина, 2013, с. 165].

Таким образом, можно сказать, что в российской деревне на рубеже веков уже были подготовлены социальные и экономические условия для перехода к «анархическому» режиму существования. Молодежь «революционного поколения», представителям которой накануне первой русской революции исполнилось от 15 до 24 лет, часто были вынуждены отпра-

латься в город, где идеология социал-демократов, эсеров и анархистов умножала бунтовской потенциал поколения, кристаллизуя тем самым их как социальную группу, состоящую из радикалов, и создавая уникальный «поколенческий стиль».

4. Заключение = Conclusions

Переломная эпоха радикальным образом отразилась на всех сферах сельского социума, который оказался вовлеченным в прежде невиданное количество новых социальных связей и был вынужден адаптироваться к новым общественным и политическим реалиям, участвовать в революционных событиях. Разрушение традиционного сознания оказалось наиболее существенным ударом по монолиту «вегетативного консерватизма» как мировоззренческой парадигмы жителей деревни. Как справедливо отмечал Т. Шанин, в эти годы «традиции прошлого смешались с новыми характеристиками крестьянства, находящегося на переломе» [Шанин, 1997, с. 223]. В эти годы поколение крестьян «революционного перелома», к которому следует отнести, прежде всего, молодых людей крестьянского происхождения, по воле судьбы оказавшихся в городах, сыграло важную роль в реактуализации «анархического» паттерна крестьянского сознания, деревенской вольницы. Именно на долю крестьянской молодежи начала прошлого столетия выпало быть в авангарде революционного движения, затеянного теоретиками социалистической революции. Зачастую они уже несли в себе «анархические» настроения деревни, где авторитет монархической власти существенно пошатнулся. Знакомство же с революционными идеями резко усилило их мотивацию социального действия и в целом повысило степень радикализации молодежи.

Тяжелое материальное положение в деревне большинства крестьянских семей в начале XX века было дополнено влиянием синергизма радикализирующих факторов. В частности, распространенность леворадикальных настроений среди деревенской молодежи была связана с проникновением в сельский социум революционной литературы, активизацией аграрного движения, а также миграцией в города, которая, с одной стороны, способствовала их вступлению в революционные организации, а с другой — вела к поколенческому разлому и разрыву молодых людей с патриархальными традициями крестьянства. Поверхностное усвоение деревенской молодежью революционной пропаганды было обусловлено низким уровнем образования и стихийностью развития революционного движения. Для большей части революционно настроенной сельской молодежи участие в революции было своеобразным проявлением протеста и недовольства существующими порядками.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
--	--

Источники и принятые сокращения

1. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации* Ф. 533. Оп. 1. Д. 173. Л. 48; Ф. 533, Оп. 1. Д. 204. Л. 2; Ф. 533, Оп. 2. Д. 140. Л. 3; Ф. 533, Оп. 2. Д. 223. Л. 3; Ф. 533. Оп. 2. Д. 269. Л. 12; Ф. 533. Оп. 2. Д. 300. Л. 3; Ф. 533. Оп. 2. Д. 363. Л. 5; Ф. 533. Оп. 2. Д. 389. Л. 4; Ф. 533. Оп. 2. Д. 482. Л. 3; Ф. 533. Оп. 2. Д. 537. Л. 3—3 об; Ф. 533. Оп. 2. Д. 650. Л. 4 об; Ф. 533. Оп. 2. Д. 661 а. Л. 4; Ф. 533. Оп. 2. Д. 958. Л. 7; Ф. 533. Оп. 2. Д. 1363. Л. 3; Ф. 533. Оп. 2. Д. 1070. Л. 5; Ф. 533. Оп. 2. Д. 1811. Л. 3; Ф. 533. Оп. 2. Д. 1943. Л. 3.
2. *Деятели революционного движения в России : от предшественников декабристов до падения царизма : биобиблиографический словарь*. — Москва : Издательство Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльнопоселенцев, 1927—1934. — Выпуск 1. — 582 с.
3. *Каторга* и ссылка. — 1924. — № 1 (8). — 301 с; 1925. — № 3 (16). — 275 с.
4. *Политическая каторга и ссылка*. — Москва : Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. — 886 с.
5. *Прасолов А. Н.* Как туровские крестьяне боролись с самодержавием / А. Н. Прасолов. — Москва : Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1928. — 63 с.
6. *Участники русского революционного движения эпохи борьбы с царизмом*. Биобиблиографический указатель членов Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. — Москва : Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1927. — 288 с.

Литература

1. *Безгин В. Б.* Социально-демографический портрет политкаторжан поколения «революционного перелома» / В. Б. Безгин, К. А. Якимов // *Вестник архивиста*. — 2022. — № 4. — С. 1235—1247. — DOI: 10.28995/2073-0101-2022-4-1235-1247.
2. *Вязинкин А. Ю.* Крестьяне в революционных событиях начала XX века : по материалам Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев / А. Ю. Вязинкин, К. А. Якимов // *Научный диалог*. — 2023. — Т. 12. — № 4. — С. 402—417. — DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-4-402-417>.
3. *Горький М.* О русском крестьянстве / М. Горький. — Берлин : Издательство И. П. Ладъжникова, 1922. — 45 с.
4. *Дубин Б. В.* Поколение: смысл и границы понятия / Б. В. Дубин // *Отцы и дети : Поколенческий анализ современной России*. — Москва : Новое литературное обозрение, 2005. — С. 61—79.
5. *Кан Г. С.* Александр Типунков : судьба политкаторжанина / Г. С. Кан // *Всесоюзное Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев : Образование, развитие, ликвидация 1921—1935 ; Бывшие члены общества во время Большого террора : Материалы международной научной конференции (26—28 октября 2001 г.)*. — Москва : Звенья, 2004. — С. 197—203. — ISBN 5-7870-0078-1.

6. Левада Ю. А. Ищем человека : Социологические очерки, 2000—2005 / Ю. А. Левада. — Москва : Новое издательство, 2006. — 384 с. — ISBN 5-98379-070-6.
7. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Октябрь 1905 — апрель 1906 / В. И. Ленин. — Москва : Издательство политической литературы, 1968. — Т. 12. — 575 с.
8. Мангейм К. Проблема поколений / К. Мангейм // Новое литературное обозрение. — 1998. — № 2 (30). — С. 7—47.
9. Мангейм К. Диагноз нашего времени / К. Мангейм. — Москва : Юрист, 1994. — 704 с. — ISBN 5-7357-0046-4.
10. Рогалина Н. Л. Аграрный кризис в российской деревне начала XX века / Н. Л. Рогалина // Вопросы истории. — 2004. — № 7. — С. 10—22.
11. Слезин А. А. Общественные настроения крестьян поколения «революционного перелома» на рубеже 1920—1930-х годов / А. А. Слезин, К. А. Якимов // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 453—469. — DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-8-453-469>.
12. Скибина О. А. Психологическая теория права Л. И. Петражицкого и марксизм в учении М. А. Рейснера / О. А. Скибина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 9 (35). — С. 163—167.
13. Сорокин П. А. Социология революции / П. А. Сорокин. — Москва : РОССПЭН, 2005. — 704 с. — ISBN 5-8243-0617-6.
14. Тан (Богораз) В. Г. Новое крестьянство / В. Г. Тан (Богораз). — Москва : Типография А. П. Поплавского, 1905. — 126 с.
15. Шанин Т. Революция как момент истины : Россия 1905—1907 гг. 1917—1922 гг. / Т. Шанин. — Москва : Весь мир, 1997. — 560 с. — ISBN 5-7777-0039-X.
16. Шанин Т. История поколений и поколенческая история / Т. Шанин // Человек. Сообщество. Управление. — 2005. — № 3. — С. 6—25.
17. Wolf E. Peasant Wars of the Twentieth Century / E. Wolf. — New York & London : Harper and Row, 1969. — 328 p.

Статья поступила в редакцию 04.08.2023,
одобрена после рецензирования 10.09.2023,
подготовлена к публикации 27.09.2023.

Material resources

- Figures of the revolutionary movement in Russia: from the predecessors of the Decembrists to the fall of Tsarism: a bio-bibliographic dictionary, 1. (1927—1934).* Moscow: Publishing House of the All-Union Society of Political Convicts and Exiled Settlers. 582 p. (In Russ.).
- GARF — *State Archive of the Russian Federation.* (In Russ.).
- Hard labor and exile (1924, 1925).* (In Russ.).
- Participants of the Russian revolutionary movement of the era of struggle against tsarism. Biographical index of members of the All-Union Society of Political Prisoners and Exiled settlers.* (1927). Moscow: Publishing House of the All-Union Society of Political prisoners and Exiled settlers. 288 p. (In Russ.).
- Political hard labor and exile.* (1934). Moscow: Publishing House of the All-Union Society of Political prisoners and Exiled settlers. 886 p. (In Russ.).
- Prasolov, A. N. (1928). *How the Turov peasants fought the autocracy.* Moscow: Publishing House of the All-Union Society of Political Prisoners and Exiled settlers. 63 p. (In Russ.).

References

- Bezgin, V. B., Yakimov, K. A. (2022). Socio-demographic portrait of political prisoners of the generation of the “revolutionary turning point”. *Bulletin of the archivist*, 4: 1235—1247. DOI: 10.28995/2073-0101-2022-4-1235-1247. (In Russ.).
- Dubin, B. V. (2005). Generation: the meaning and boundaries of the concept. In: *Fathers and children: Generational analysis of modern Russia*. Moscow: New Literary Review. 61—79. (In Russ.).
- Gorky, M. (1922). *About the Russian peasantry*. Berlin: Publishing house of I. P. Ladyzhnikov. 45 p. (In Russ.).
- Kan, G. S. (2004). Alexander Tipunkov: the fate of a political prisoner. In: *All—Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers: Education, Development, liquidation 1921—1935; Former members of the society during the Great Terror: Proceedings of the International Scientific Conference (October 26—28, 2001)*. Moscow: Links. 197—203. ISBN 5-7870-0078-1. (In Russ.).
- Lenin, V. I. (1968). *Complete works. October 1905 — April 1906*, 12. Moscow: Publishing House of Political Literature. 575 p. (In Russ.).
- Levada, Yu. A. (2006). *Looking for a man: Sociological essays, 2000—2005*. Moscow: New Publishing House. 384 p. ISBN 5-98379-070-6. (In Russ.).
- Manheim, K. (1994). *Diagnosis of our time*. Moscow: Yurist. 704 p. ISBN 5-7357-0046-4. (In Russ.).
- Mannheim, K. (1998). The problem of generations. *New literary review*, 2 (30): 7—47. (In Russ.).
- Rogalina, N. L. (2004). Agrarian crisis in the Russian village of the beginning of the XX century. *Questions of history*, 7: 10—22. (In Russ.).
- Shanin, T. (1997). *Revolution as a moment of truth: Russia 1905—1907. 1917—1922*. Moscow: The Whole World. 560 p. ISBN 5-7777-0039-X. (In Russ.).
- Shanin, T. (2005). The history of generations and generational history. *Man. Community. Management*, 3: 6—25. (In Russ.).
- Skibina, O. A. (2013). Psychological theory of law by L. I. Petrazhitsky and Marxism in the teachings of M. A. Reisner. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*, 9 (35): 163—167. (In Russ.).
- Slezin, A. A., Yakimov, K. A. (2022). Public Sentiment among Peasantry of “Revolutionary Turning Point” Generation at turn of 1920—1930s. *Nauchnyi dialog*, 11 (8): 453—469. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-453-469 (In Russ.).
- Sorokin, P. A. (2005). *Sociology of revolution*. Moscow: ROSSPEN. 704 p. ISBN 5-8243-0617-6. (In Russ.).
- Tan (Bogoraz), V. G. (1905). *New peasantry*. Moscow: A. P. Poplavsky Printing House. 126 p. (In Russ.).
- Vyazinkin, A. Yu., Yakimov, K. A. (2023). Peasants in Revolutionary Events of Early 20th Century: Materials of All Union Society of Political Prisoners and Exiles. *Nauchnyi dialog*, 12 (4): 402—417. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-402-417 (In Russ.).
- Wolf, E. (1969). *Peasant Wars of the Twentieth Century*. New York & London: Harper and Row. 328 p.

*The article was submitted 04.08.2023;
approved after reviewing 10.09.2023;
accepted for publication 27.09.2023.*